1 й экз.

Кооперация—научная практика взаимной помощи.
Элизе Реклю.

ПОЧИН

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма.
Проф. Туган-Барановский.

Анархо-Кооперативный Листок.

№ 5. **МАЙ, 1920 г.** **№ 5.**

Содержание. Неформальная кооперация.—Децентрализация собственности.—Общественные службы.—Декларация петроградских анархистов о кооперации.—Налоги.

НЕФОРМАЛЬНАЯ КООПЕРАЦИЯ.

В наши дни неограниченного господства и необычайной предприимчивости государственной власти, производящей опыт за опытом во всех областях общественной и частной жизни, вопрос о неформальных кооперативах приобретает особенный интерес в связи с огосударствлением формальной, зарегистрированной кооперации.

4-го апреля в Об-ве Кооператоров-Юристов в Москве состоялся весьма поучительный доклад гр. А. И. Штейнберга „О правовом положении неформальной кооперации".

Неформальные кооперативы, это своего рода незаконнорожденные дети государственного строя. Законодательство их совершенно игнорирует. Они не должны были бы зарождаться, как и дети появляться на свет вне брака, освященного законом, хотя бы гражданским. Но жизнь берет свое. Неформальные кооперативы, нигде не зарегистрированные, никем не разрешенные, нередко даже не имеющие писанных уставов, изстари плодились и продолжают размножаться в наши дни. Таковы—народные трудовые артели, многие клубы-столовые (по существу, представляющие из себя просветительно-потребительские кооперативы), общественные организации, вроде домовых комитетов (к сожалению все более отвлекаемых административно-полицейским усмотрением от их собственных задач), потребительские лавки домовых организаций, кооперативные огороды, разводимые за последние годы горожанами и т. д.

Неформальные кооперативы нарождаются в таком множестве, что государственному праву в конце концов приходится считаться с ними и признавать их.

„Нельзя итти от права к жизни, а, наоборот, нужно, чтобы право вытекало из жизни",—этим принципиальным пожеланием, теоретически быть может справедливым, но на практике опровергаемым всей историей права, закончил свою речь докладчик.

К сожалению эта старая, отвлеченная предпосылка к законам все еще господствует над умами юристов. Не удивительно поэтому, что самый доклад и прения о нем, носили слишком „правовый", почти схоластический характер (вплоть до ссылки на сенатское постановление 1847 года), и очень мало освежались данными из жизни.

История всех народов и времен показывает, что юридическое право никогда не вытекало из жизни, а всегда являлось насилием над ней. Здоровые потребности и справедливые взаимоотношения людей не нуждаются в правовой нормировке и принудительном соблюдении; для них достаточно просвещения и свойственной человеку общительности.

Ведь нет же закона, который принуждал бы не об'едаться, чтобы не заболеть, любить своих детей, помогать ближнему. Закон же, запрещающий куплю-продажу жиров и других „нормированных" продуктов, когда сама власть или совсем не выдает их, или отпускает в недостаточном количестве для существования, явно противоречит жизни и волей-неволей обходится людьми, самими блюстителями закона не менее, чем другими.

Право всегда определялось не научной идеологией, а грубой силой и вульгарной демагогией. По этой причине практическая задача адвокатов и правозаступников всех времен сводилась к искусству: как обойти букву закона, чтобы он возможно меньше противоречил здравому смыслу и справедливости.

Знакомство с этим искусством весьма полезно и для анархистов. Хотя мы последовательнее юристов и откровенно отрицаем в принципе государственное право, но на практике все же вынуждены считаться с препонами, расставляемыми властью свободному развитию в виде законов.

Общий вывод доклада гр. Штейнберга тот, что неформальные кооперативы чрезвычайно распространены, деятельность их охватывает самые разнообразные стороны жизни и в количественном отношении не

поддается учету, так как самая ничтожная часть актов, совершаемых неформальными кооперативами доходит до рассмотрения юридических установлений, которые в таких случаях считаются с ними, как с формально зарегистрированными кооперативами.

Практическое значение этого вывода с точки зрения анархизма, особенно в наше время растерянности кооперативной мысли, очень важно. Деятельность незарегистрированных, неформальных кооперативов труднее поддается учету власти, а потому они более эластичны в борьбе против ея вмешательства в общественную самодеятельность.

Существует, следовательно, возможность создавать новые, независимые кооперативы и ограждать их самостоятельность.

Да и в самом деле, странно было бы для социалистической власти, капитулировавшей перед частной торговлей (даже нормированными продуктами), после неудавшейся попытки ея муниципализации, и перед частной капиталистической промышленностью (хотя бы с ограничением—эксплуатировать не более 12 человек наемных рабочих), огульно уничтожать независимое коллективное самоснабжение предметами частной торговли и мешать самостоятельному развитию артельного производства, особенно если и та, и другая область кооперативной деятельности окончательно очистятся от несвойственного им наемного труда *).

Правда, посягательства государственной власти на свободное развитие кооперации выводит последнюю из условий, необходимых для расчетливой, научной организации взаимной помощи, но все же неформальная кооперация сейчас единственно доступная форма более или менее обеспечивающая ея деятельность от посягательств власти.

В то время, как государственная власть будет глодать остов старой, убитой ею кооперации, новые кооперативные волны могут захлестнуть ее и отрезвить от мании регулировать жизнь канцелярскими декретами.

Вся суть только в том, чтобы вновь зарождающиеся кооперативы имели достаточную обороноспособность для сопротивления аппетитам государственной власти. Этого они могут достигнуть став, вместо старой ложной *аполитической* платформы, —вернее, компромиссного отношения ко всякой существующей власти,—на нашу *антиполитическую* платформу принципиального отрицания власти и деятельной самообороны от нея.

*) Относительно вопроса об организации потребительской кооперации без наемного труда. см. статью „Трудовое Торговое Товарищество" в № 3 „Почина".

Децентрализация собственности.

Важный фактор эволюции, взаимная помощь, распространяется на все стороны развития общественной жизни. Свободная конкуренция в капиталистическом хозяйстве между собственностью разных размеров привела не к поглощению мелкого капитала крупным, а к его об'единению для борьбы с крупными капиталистами.

Мало того, теперь с уверенностью можно указать, что мелкий капитал поглотил крупный. Если вникнуть в сущность современного капиталистического хозяйства, то окажется, что миллионные и миллиардные состояния—чистая фикция.

Один близкий мне родной, ныне покойный, проницательный наблюдатель жизни, говорил: „О размере состояния купца можно судить только после того, как он обанкрутится".

То же самое можно сказать о всех более или менее крупных капиталистах. Если подвести баланс имуществу и долгам всех этих умопомрачительных миллионных и миллиардных состояний,—прямым долгам или в виде паевых вкладов,—то в итоге на долю собственника выпадет сравнительно скромная доля.

Современный крупный капиталист не является единоличным *владельцем*, а лишь *управляющим* (и то не всегда облеченный неограниченными полномочиями) находящейся в его распоряжении собственности. Он вынужден считаться с разными выборными „советами" со стороны вкладчиков паев, а самостоятельный капиталист, в случае неумелого ведения дел, попадает под прямую опеку „администрации", назначаемой кредиторами.

Но кто же является в конечном счете собственником всех этих колоссальных богатств, наличность которых не представляет такой же миф, как существование частных владельцев огромных капиталов?

Достаточно бросить самый беглый взгляд на историю возникновения современных крупных хозяйственных предприятий, чтобы ответить на этот вопрос.

Хозяевами-владельцами крупных капиталов являются мелкие вкладчики.

Мелкие вклады имеют своим источником мелкие сбережения трудящихся.

Зародившись из *предвидения*, собственность стремится об'единиться со своим первоисточником—*с трудом*.

Но владельцы мелких сбережений не умеют использовать сами свой капитал, а потому передают его предприимчивым аферистам, дельцам, которые, приемами наемного труда, эксплуатируют отсталые народы, массу беднейших трудящихся и самих вкладчиков.

Не будь материальной заинтересованности широких слоев населения, капиталистический строй не мог бы так стойко держаться в передовых странах, распространяться вопиющими колониальными насилиями и разрешать столкновения своих интересов кровавыми войнами.

Конец капиталистическому общественному хозяйству наступит не от неоправдавшейся концентрации капиталов в ограниченных руках, а вследствие новейшей эволюции собственности и техники производства.

Техническая децентрализация производства облегчает об'единение трудовых сберегателей в трудовые артели, помимо предприимчивых дельцов, неправильно называемых капиталистами, в то время как они являются попросту более или менее недобросовестными управляющими чужими капиталами.

Конец капитализма в производстве,—как частно-капиталистическом, так и государственном,—наступит от развития артельной производительной кооперации.

Государственный социализм не является упразднением капитализма (системы наемного труда), а лишь его огосударствлением.

Государственный социализм централизует одновременно собственность и власть в руках чиновников.

Кооперация же является строго последовательной федеративной децентрализацией как собственности, так и общественного права в руках основной составной части человеческого общества—производящей личности.

Чтобы подвести практическую основу под идеал кооперации—анархизм, нужно стать по отношению к собственности на точку зрения *кооперативной собственности.*

Признавая частную собственность на орудия индивидуального труда и предметы потребления, мы, анархисты, должны признать без оговорок право личной собственности при ея об'единении для коллективного производства и организации потребления.

Это—единственный практический путь, который поднимет производительность труда до таких высоких пределов, что институт собственности постепенно потеряет свой эгоистичный характер, так как „наши богатства" будут в состоянии удовлетворять текущие и будущие потребности не только высоко культурных народов, но и наших отсталых родственных племен, к которым нас будет влечь не материальная заинтересованность, не жажда наживы, а чувство общечеловеческой взаимной помощи, возвещенное нам древнейшей философской мыслью в религиозных формах и ныне научно изученное Кропоткиным.

А. А.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СЛУЖБЫ.

Одним из крупных пробелов современной политической экономии является то, что она не включила в предмет своего изучения общественные службы. В процессах производства, обмена и распределения народных богатств общественные службы всегда играли выдающуюся роль. Если задача прикладной политической экономии „изучение потребностей людей и способов их удовлетворения с наименьшею непроизводительною тратою сил" (Кропоткин), то нет сомнения, что эта цель достигается главным образом развитием общественных служб.

Во время мировой войны „старый профессор политической экономии",—так назвал себя Шарль Жид,—пришел к выводу: „ныне ниспровергается все, чему мы учили".

Если бы в политической экономии не было указанного пробела, то мировая катастрофа ничего бы в ней не разрушила: она подчеркнула бы лишний раз всю пагубную роль государственной власти, вмешивающейся в хозяйственную жизнь народов не только в военное время, но и при обычной обстановке, посредством присвоения монополии на общественные службы.

С другой стороны чудовищный опыт, производимый в России государственной властью, окончательно лишает современную политическую экономию предмета ея изучения. Сложные законы науки об общественном хозяйстве, вытекающие из физиологических, умственных и моральных свойств и потребностей человека, власть претендует заменить жалкими канцелярскими декретами. Она стремится превратить все живые процессы производства, обмена и распределения богатств в абсурдные по своей централизации общественные службы, подведомственные ея бюрократическим органам.

Не осталось ни одной потребности, ни одного уголка личной жизни, в которую власть не вмешивалась. Она мнит „нормировать" каждый кусок хлеба, подносимый ко рту, каждый фут воздуха в жилищах, каждую мысль в нашей умственной жизни;

и все это—грубым принуждением и суровыми карательными мерами.

Положение крестьян до 1861 года едва ли было во всех отношениях хуже. Все же мы, анархисты, не унываем, мы верим в наше 19 февраля, но на этот раз не декретированное сверху,—властью, какого бы цвета она ни была,—а добытое снизу.

Если бы политическая экономия изучала общественные службы, она могла бы нам дать указания, как предохранить хозяйственную жизнь общества от государственной власти, то низвергающей народы в пучину кровавых и разорительных войн, то подвергающих их законодательным безумиям.

Для освобождения хозяйственного развития человечества от пагубного воздействия государственной власти нужно познать технику власти, ея нехитрую механику, обусловливающую ея силу.

В нашу эпоху власть, опирающаяся исключительно на прямые насилия, не могла бы, технически не была бы в состоянии просуществовать.

Власть сильна тем, что присвоила монополию на общественные службы.

Знаток истории во времени и пространстве, Элизе Реклю, признает одним из законов исторического развития—*стремление к свободе личности.*

К свободе от кого? Понятно, от власти.

Личность не может достичь свободы, не освободив от опеки правительственной власти удовлетворение своих общих с другими людьми потребностей—общественных служб.

Видя монополию на общественные службы в руках правительственной власти, многие образованные и даже ученые люди полагают, что эти службы не могут иначе функционировать. Неразрешимую проблему власти, т. е. почему власть должна находиться в руках тех, а не других лиц, они обходят тем, что, мол, кому нибудь да следует руководить общественными службами.

Нужно полное неведение о том, как зародились и развились общественные службы, чтобы приписывать государственной власти какую-либо организационную роль.

Не со вчерашнего дня возникли общественные потребности в народном просвещении, путях сообщений, почте, правосудии, однородных монетных знаках для товарообмена, даже в распределении главных продуктов питания и т. д.

Все эти службы были созданы частным почином и кооперативным согласованием личных усилий в общественные организации. Правительственная же власть лишь налагала на них, по мере их развития, свою тяжелую, мертвящую руку, чтобы закрепить эксплуататорские привиллегии за господствующими классами или использовать общественные службы для упрочения своего собственного господства.

В переживаемое нами время ярким примером сказанному служит трагическая неравная борьба кооперации с социалистической властью.

Неспособная организовать распределение продуктов, потерпев при своих самостоятельных попытках в этой области полный провал, правительственная власть стремится *подчинить себе* испытанные по своей практичности органы потребительской кооперации.

На это выдающееся явление современной жизни мы, анархисты, не обращаем должного внимания. Практическое безсилие анархистского движения вытекает из того, что мы не противопоставляем *практическому захвату* общественных служб государственной властью *практические же средства* для ограждения их независимого существования и развития. Все общественные службы, закрепощенные властью, должны реорганизоваться там, в „будущем", каким-то чудом, „народным творчеством", „народной самодеятельностью", а когда это творчество, эта самодеятельность на наших глазах губится властью в виде порабощения кооперации, попирания ея свободных начал, то анархисты проходят мимо, как будто это их не касается, или ограничиваются мимоходом брошенными платоническими пожеланиями.

Другой пример. Когда та же власть разогнала Всероссийский Профессиональный Союз учителей, выставивший еще при Временном Правительстве требование полной самостоятельности народного просвещения, формулированное К. Вентцелем в лозунге „отделение школы от государства", то анархисты не обратили даже внимания на этот вопиющий разгром практического проявления их учения в этой важной области жизни, а между тем сколько чернил было пролито по поводу реэкспроприации у экспроприаторов Купеческого Клуба в Москве более сильным экспроприатором—государственной властью, и разоружения печальной памяти „Черной Гвардии"*)!

История возникновения и развития общественных служб и их подчинения себе

*) Купеческий Клуб имели право экспроприировать только сами наемные служащие этого прекрасно оборудованного учреждения, превратив его из закрытого привиллегированного дома для азарта и чревоугодничества в общедоступную столовую, библиотеку-читальню и место здоровых развлечений. Ныне Купеческий Клуб снова стал гнездом другого азарта—жажды власти, школы партийных агитаторов.

государственной властью заслуживала бы особого изучения под углом зрения нашего учения. К сожалению я не располагаю для этого ни средствами, ни временем, поглощенный в нашем „коммунистическом отечестве“ добыванием средств для существования. Ограничусь по этому предмету своими сравнительными наблюдениями и впечатлениями, вынесенными из долголетнего пребывания в разных странах в качестве эмигранта.

Несколько слов о народном просвещении.

Народное просвещение в Персии до сих пор предоставлено частной инициативе, кроме некоторых учреждений в столице. Безчисленные муллы и ахунды на каждой улице, на каждом перекрестке в городах, в каждой деревне, в каждом поселке или любой небольшой группе хижин, обучают детвору грамоте. Любопытное явление для Востока: обучение мальчиков и девочек совместное. Мне, как врачу, приходилось не мало раз'езжать по стране. Впечатление у меня таково, что грамотность, — примитивная по своим методам преподавания, быстро забываемая,—более распространена в Персии, чем в России.

Более высоко и столь же независимо от государственной власти было организовано начальное народное просвещение у закавказских армян. Многочисленные общинные школы, непосредственно поддерживаемые самим населением, *без всякой правительственной субсидии*, и руководимые коллективами учителей, обезпечивали детям начальное образование, нередко приближавшееся к среднему. Эти школы укрывались при самодержавии от посягательств власти под щитом церковно-приходских.

Тут уже статистика показала, что грамотность среди армян бывшей Российской Империи была более распространена, чем у державной нации, ближе взятой под правительственную опеку.

В начале 900-х годов царское правительство попыталось было наложить свою тяжелую десницу на фактически *отделенную от государства* армянскую школу, но единодушный активный протест всего народа, без различия классов, заставил отступиться от своих притязаний даже самодержавную власть*).

Другой, более высокий тип учебных заведений представляют „школы преподавателей“, возникавшие в больших городах России и заграницей.

*) Общинные школы армянских колоний, существовавшие во многих больших городах европейской России, ныне загублены все принижающей и мертвящей своей бюрократической централизацией большевистской властью. То, чего не добилось самодержавие, осуществили социалисты.

Не являясь капиталистическими предприятиями, как многие частные училища, приспособлявшиеся к правительственным типам, школы преподавателей представляли из себя артельные, кооперативные начинания работников по народному просвещению; в них артели учителей, пользуясь значительной независимостью, применяли свои профессиональные познания, опыт и личный почин в деле совершенствования приемов преподавания и воспитания. Всем известно насколько высоко ценились развитыми слоями населения эти артельные школы.

Достойно внимания, что высшие школы и университеты, даже в демократической Западной Европе, стремятся освободиться от застаивающей опеки государственной власти. Примером тому служит Новый Брюссельский Университет, в котором читал лекции также Элизе Реклю.

Университет имени Шанявского и недавно учрежденный в Москве Кооперативный Институт, не успевший к сожалению вполне организоваться, представляют другие примеры, как возникают на наших глазах общественной самодеятельностью даже высшие учреждения народного просвещения, и способны бывают свободно развиваться, пока правительственная власть не берет их под свою бюрократическую опеку.

Народная самодеятельность бьет ключем в общественной жизни и каптируется государственной властью, а мы, анархисты, все спорим о платформе для об'единения, как будто анархизм может иметь свою особую платформу помимо реальной жизни, ея будничных запросов, где-то там, в диалектическом предугадывании ея будущих форм!

В задачу настоящей статьи не входит изучение возникновения и развития всех общественных служб; даже беглый обзор в этой области потребовал бы слишком много времени и специальных изысканий,— недоступной роскоши в наше время „организованного понижения культуры“.

Здесь я бы хотел подчеркнуть одну особенность общественных служб: *их свободное развитие, с самого их зарождения, ведет к коммунизму.* Государственная власть вмешивается в дело организации общественных служб лишь для того, чтобы их использовать для классовых и своих собственных обособленных интересов.

Анархистский коммунизм не идеал будущего, а действенная сила, возникшая испокон веков и все совершенствующаяся в своих формах в процессе безостановочного развития.

На моей родине, когда кому-нибудь нужно перейти через разбушевавшийся в

бурный поток горный ручеек, он сваливает вблизи растущее дерево через овраг и проходит по импровизированному мосту. Мостик остается, кто-либо другой приспособляет жердь, чтобы женщины и дети придерживались за нее, и этот примитивный путь сообщений поступает в безвозмездное общее пользование.

В Персии, в этой стране своеобразных горбатых мостов, множество этих подсобных путей сообщения; они были когда-то кем-то выстроены и поступили во всеобщее пользование. Сооружались они обычно коллективным (кооперативным, сказали бы европейцы) об'единением жителей округи или частной инициативой. В начале для покрытия затрат обычно взимается особая плата за пользование мостом. Поколение, видевшее сооружение, охотно вносит сбор. С течением времени, по мере погашения затрат, мосты переходят в общее безвозмездное пользование, если только правительственная власть не закрепляет первоначально справедливые сборы в эксплуататорскую привиллегию или сама присвоивает эту привиллегию (подобно сборам за более известные европейцам мосты в Константинополе).

Подобным же образом сооружались в Персии *мощеные* дороги.

А разве наши проселочные и многие шоссейные и железные дороги возникали не тем же путем общинного и частного почина? Правительственная власть берет в свои руки дело руководства путями сообщений лишь для того, чтобы *временные* справедливые сборы и небольшие расходы по их поддержанию превратить в эксплуататорские доходы для привиллегированных предпринимателей или в постоянные принудительные *налоги* в свою пользу.

Государственная власть—не средство для осуществления коммунизма, как мнят это социалисты-государственники, а прямой путь к осуществлению привиллегий, к извращению коммунистического развития.

Разве наш государственный коммунистический опыт не достаточно это доказал, превратив промышленных рабочих в паразитов, опекаемых правительственной властью и насильственно требующих от крестьянства все продукты питания *по своим потребностям*, но не дающим деревне ничего, или почти ничего взамен?

Борьба классов—на этот раз пролетариата с крестьянством—у нас на полном ходу.

Не менее характерно возникновение водоснабжения в маловодной Передней Азии. Там малейший источник у большой и проселочной дороги приспособлен для общего пользования. Тут вы встретите разные типы приспособлений, начиная от простого углубления в грунте до сложных и изящных каменных и даже мраморных сооружений с водопроводами, закрытыми резервуарами, медными кранами и высеченными из цельного камня колодами для лошадей. Все пользуются этими источниками, и лишь изветрившиеся надписи напоминают о коммунистической психологии у инициаторов этих сооружений общественного пользования.

Коммунизм настолько свойствен человеческой психологии, что проявляется даже там, где меньше всего можно было бы ожидать. Все лучшие московские клиники и больницы, поразившие даже западно-европейских врачей во время международного медицинского с'езда, созданы не государственной властью, а личным почином московских купцов и купчих.

К какому упадку и дезорганизации привела их власть, называющая себя социалистической, лишив общественные учреждения животворящих забот личной инициативы и духа общечеловеческой взаимопомощи, мы убедились в этом на плачевном опыте большевистских „национализаций" и „муниципализаций". . . . . .

Общественные службы возникали и развивались кооперативным об'единением индивидуальных усилий.

Если бы политическая экономия включила в область своего изучения общественные службы, то она неизбежно пришла бы к выводу: *самое необходимое условие для достижения удовлетворения потребностей людей с наименьшею непроизводительною тратою сил, это—отделение общественных служб от государства.*

.I. .I.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПЕТРОГРАДСКИХ АНАРХИСТОВ О КООПЕРАЦИИ.

Подражая в этом отношении политическим партиям, каждый более или менее значительный с'езд или совещание анархистов выносит ряд категорических *деклараций* по самым разнообразным и весьма спорным общественным вопросам.

Подобные решения, принимаемые политическими партиями, имеют тот смысл, что прекращают дальнейшие споры среди их членов по тем или другим мероприятиям, которые оне признают нужным навязывать народу. Но ведь анархисты такой претензии не имеют.

Нам давно бы следовало отрешиться от манеры рубить с плеча сложные общественные задачи и посвящать больше внимания критическому пересмотру ходячих в

нашей среде взглядов, нередко слишком избитых и упрощенных до утраты практического смысла.

К числу таких, весьма спорных постановлений относится декларация, принятая 1-ой Конференцией Анархистов г. Петрограда и его окрестностей в феврале т. г.

Вот выдержка из этой декларации, относящаяся к кооперации:

„Кооперация, как показывает само слово, покоится на началах взаимопомощи, солидарности и самодеятельности. Частно-капиталистический строй общества извратил эту идею, превратил кооперацию, как производительную, так и потребительскую в один из своих многочисленных эксплуататорских щупальцев. Огромную помощь в этом превращении сыграла денежная система, выдвинувшая финансовый (кредитный) тип кооперации.

„По пути использования кооперации в своих интересах эксплуатации пошел государственно-капиталистический строй, превращая кооперацию в те или иные производственные или распределительные государственные органы. Мы, анархисты, должны напречь все свои силы в борьбе за чистоту идеи кооперации, как идеи взаимопомощи, солидарности и самодеятельности масс. Организация подлинных производительных и распределительных кооперативов, в особенности организация производительных артелей, союзов, товарищества, вхождение в ныне существующие кооперации в целях борьбы за их чистоту, идейность, передачу им „из рук государства всего продовольственного и распределительно-потребительного дела—вот *наша задача по кооперации.*"

Не слишком ли несправедливо клеймить кооперацию *придатком*, „одним из многочисленных эксплуататорских щупальцев" капиталистического строя? Бороться за идейную чистоту кооперации весьма желательно, но вед нужно же за ней признать известную степень,—и не малую,—активной идейности, а не приписывать только пассивную роль щупальцев капитализма.

Но особенно странное впечатление производит безусловно отрицательный отзыв о кредитной кооперации, свидетельствующий о полном непонимании ея сущности. Мы всё еще не даем себе отчет, что денежный товарообмен является одним из видов натурального товарообмена, признаваемого нами, и что кредитный товарообмен как раз вытесняет из обращения деньги-товар, заменяя их *доверием*.

Если государственная власть злоупотребляет этим доверием при выпуске кредитных знаков, если капитал пользуется этой системой при эксплуатации наемного труда, то из этого не следует, что сама система вредна. Усовершенствованные машины тоже служат для эксплуатации людей, из-за этого не отвергаем же мы машинную технику.

Прудон куда глубже понимал сущность и выдающуюся практическую роль кредитной кооперации в деле обновления общественных порядков, чем современные анархисты, когда он выдвигал теорию *дарового кредита* и пытался организовать кооперативный „Народный Банк".

Желательно было бы, чтобы с'езды анархистов более приближались к ученым совещаниям изучающим идеи в их развитии, чем походили на партийные соборы, обсуждающие застывшие догматы.

НАЛОГИ.

Откуда возникли *налоги*, эти периодические *принудительные сборы*, производимые государственной властью?

Существует особый отдел политической экономии, трактующий о налогах. Он называется „наукой о финансах".

Непонятно о какой науке может быть речь, когда дело идет о насилии, о прямом или косвенном принуждении?

Разве только—об изучении как возникло и в какие формы вылилось это насилие.

Проф. Хэней полагает, что при распадении феодального строя и росте централизации государства „доходов от королевских имений и от религии уже не хватало для все растущих государственных расходов, так что появилось необходимость в налоговом обложении"*).

Такая альтруистическая *теория налогов*, как предположение, что первоначально королевская власть расходовала свои собственные, уже закрепленные принуждением и суеверием доходы на общегосударственные народные нужды, мало правдоподобно.

Налоги, или вернее то, что стало со временем податным принуждением, более раннего происхождения. Они возникли из *добровольных сборов* при зарождении общественных служб. По мере того, как последние развивались, представители власти,—те самые короли, о которых говорит проф. Хэней,—присвоивали монополию на общественные службы именно, *чтобы увеличить свои личные доходы*, превращением добровольных сборов в принудительные налоги, поступавшие в их распоряжение.

Не государственная, общенародная польза лежит в основе налогов, а кастовые и классовые интересы.

Королевский род, снимая сливки с налоговых сборов, давал возможность поживиться и своим посредникам, бывшим фео-

*) „История экон. ученый в древ. и ср. век.".

делам, сдавая им их на откуп (как это практикуется до наших дней в некоторых азиатских государствах) или постепенно превратив их в покорных чиновников.

Королевская власть не сама создавала общественные службы для общей пользы народа, а лишь закрепощала их.

Подтверждением сказанному о происхождении налогов служит то, что в одной очень скромной, но все же полезной для народного хозяйства общественной службе, —которою государственная власть пренебрегла и не подчинила своему руководству, —периодические сборы продолжают носить совершенно добровольный характер. Это— общественная пастьба скота, сохранившая до нашего времени добровольный характер в деревнях и провинциальных городах многих стран.

Эту незамысловатую общественную службу исполняют один или несколько пастухов, организованных в артель: плату за свои труды они взимают со всех *по добровольному соглашению*, отчасти натурой, отчасти деньгами.

На первоначально добровольное происхождение сборов, превращенных со временем в принудительные налоги, указывает сохранившаяся до сих пор в персидских городах система оплаты труда ночных сторожей. Назначаемые полицейскими властями, они собирают сами ежемесячно свое жалованье с населения по известной норме.

Во время своего пребывания в Англии, П. А. Кропоткин был как-то раз удивлен, встретив в воскресный день одного своего знакомого в своеобразной форме. Тот об'яснил, что состоит заведующим пожарной командой и приоделся, чтобы обойти местное население для сбора добровольных взносов на ея содержание.

Наконец возникновение в новейшее время в высоко культурной стране, как Северная Америка, независимо от государственной власти такой общественной службы, как охрана общественной безопасности, —считающаяся специфически государственной прерогативой,—на начале добровольных сборов, еще более подтверждает наше предположение.

В Нью-Йорке, на ряду с государственной полицией, существует своего рода кооперативная полиция. Возникла она по почину ювелиров, нанимавших в складчину особых ночных сторожей для охраны своих магазинов, а затем распространилась в городе и развилась в хорошо организованную независимую общественную службу.

Поучительные попытки в этом направлении были сделаны в русских городах в течении нынешней революции домовыми комитетами не только для организации общественной безопасности, но и иных общественных служб (медико-санитарной помощи, народного просвещения и т. д.). К сожалению эти попытки были разрушены в самом зародыше государственной властью.

Давно пора отбросить предрассудок, будто государственная власть играет какую-то незаменимую полезную роль в деле организации общественных служб, и перестать этим оправдывать налоги. „Теория финансов“,—теория для оправдания насилий,— не выдерживает критики. Захватывая общественные службы государственная власть не повышает, а принижает их организацию; она мешает свободному развитию и совершенствованию дела обслуживания общих потребностей людей.

Свободная кооперативная организация общественных служб способна и должна вытеснить государственную власть из этой области, вырвав из ея рук монополию на общественные службы.

Отделение общественных служб от государственной власти должно быть полным, должно охватит не только организационную, но и финансовую сторону задачи; иначе оно и не осуществимо.

Тогда, подобно тому, как в сказке, все убедятся, что безполезно дольше притворяться будто король не гол. Государственные финансы потеряют свою „теорию“ и налоги предстанут перед глазами всех в своем естественном виде—голыми насилиями.

Развить и распространить это понимание сущности налогов в сознании масс— лучшее средство подготовить их упразднение. Ясно сознанная мысль—сила, ждущая лишь благоприятного момента для своего проявления.

Так подготовляются все революции.

К сведению читателей.

—„Почин“ высылается всем лицам, группам и учреждениям, сделавшим соответствующий запрос в рассчете на материальную поддержку по их усмотрению *по мере получения последующих №№*.

—Со следующего номера „Почин“ будет выходить в расширенной программе: *кооперация, синдикализм и этика*.

Для поддержания органа редакцией получено от: гп. „Гроза“—951 р., Глозмана—50., Кожарского—12 р., Старцева—300 р., Бубенцова—240 р., Иванова—50 р., Герасименко—100 р., Кожарского—20 р., Мильяновского—200 р., Мауче и Купче—60 р., врача П. Г.—50 р., Кузнецова (из Устюга)—1000 р., Фомина—100 р.., врача Е. Д.—100 р., А. Д.—400 р., Лисимаха—20 р., из Демидова—50 р., Гомеля—50 р. Шадринска—300 р., Духовщина—50 р., Камлева—100 р. и Ташконта—500 р. Спасибо всем.

Запросы, материалы и деньги просим высылать по адресу:

МОСКВА, 1-й Дом Советов, комн. 219.

Тов. А. А. Карелину.